

Варламова Н.В. Права человека в психологической теории права Л.И. Петражицкого: реконструкция и критическая интерпретация. DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_73 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 73–95.

УДК 340.15:174

DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_73

Права человека в психологической теории права Л.И. Петражицкого: реконструкция и критическая интерпретация

Наталья Владимировна Варламова

Институт государства и права Российской академии наук
г. Москва, Россия
E-mail: varlam_n@list.ru

*Поступила в редакцию 29.12.2021, поступила после рецензирования 21.03.2022,
принята к публикации 16.05.2022*

Целью статьи является реконструкция представлений Л.И. Петражицкого о правах человека на основе анализа разрозненных и порой противоречивых высказываний, содержащихся в его работах. В своих трудах Петражицкий не уделял специального внимания правам человека, хотя начиная с Нового времени эта проблематика активно разрабатывалась в теории и философии права, в том числе российской. Под правом Петражицкий понимал императивно-атрибутивные психические переживания людей. При этом императивная составляющая правового переживания (обязанность) у него обусловлена притязанием и решающее значение имеет именно предоставление удовлетворения управомоченному лицу, а не исполнение обязанности само по себе. Петражицкий обосновывал неоктроированность (непроизводность от позитивного права) и безусловность по крайней мере некоторых базовых интуитивно-правовых убеждений (например,

© Варламова Н.В., 2022

о недопустимости пыток, истязаний, квалифицированной смертной казни, торговли людьми). Такие психические убеждения вполне могут быть уподоблены правам человека. Однако Петражицкий не рассматривал притязание как реализацию индивидуального эгоистического интереса. Право, как и нравственность, у него имеет целью благо и процветание общества и духовно-культурное воспитание человечества. Управомоченным лицом у Петражицкого может выступать не только человек, но и фактически любой субъект и даже объект (дух, животное, картина), на удовлетворение потребностей которого направлено психическое переживание обязанного лица. Петражицкий не разделял либеральное понимание прав человека как притязаний на индивидуальную свободу. Более того, его социальный идеал всеобщей деятельной любви, выступающий целью воспитательного воздействия права, предполагал изживание, нивелирование как раз тех сторон человеческой психики, которые находят свое проявление в таком понимании прав человека. В статье показано, что Петражицкому удалось предвосхитить многие современные тенденции в трактовке прав человека.

Ключевые слова: Л.И. Петражицкий, права человека, психологическая теория права, императивно-атрибутивные психические переживания, социальный идеал всеобщей деятельной любви

Human Rights in the Leon Petrażycki's Psychological Theory of Law: Reconstruction and Critical Interpretation

Natalia V. Varlamova

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Received 29.12.2021, revised 21.03.2022, accepted 16.05.2022

Abstract. The purpose of this article is to reconstruct Petrażycki's ideas on human rights by using the scattered and sometimes contradictory remarks on the issue to be found in his works. Leon Petrażycki did not pay special attention to human rights in his works, although this problematic has been a major focus of legal theory and legal philosophy, including the Russian one, throughout the modern history. Petrażycki viewed law as imperative-attributive emotions experienced by individuals. At the same time, the imperative component of such emotions arises as a reaction to the attributive one – i.e., an obligation is conditioned by another's claim, and it is the satisfaction of the obligee's interests that plays a decisive role, not the mere performance of the corresponding obligation as such. Petrażycki's assumed that certain intuitive legal beliefs, being fundamental in nature, are absolute and do not derive from positive law – e.g., the beliefs that torture, rape, human enslavement, and certain methods of capital punishment are unacceptable. Such psychological beliefs can well be equated to human rights. However, Petrażycki denied that a right is an intention to implement one's selfish interests. Petrażycki argued that law, as well as morality, pursues public welfare and prosperity, and the spiritual and cultural education of humanity. It is not only human beings that can obligees. Petrażycki held that animals, spiritual beings, or even paintings can play this role as long, as the satisfaction of their claims becomes the focus of emotions experienced of an imperative side. He obviously did not share a liberal understanding of human rights as personal

freedoms. Even more, Petrażycki believed that his social ideal of universal active love is the ultimate goal of law's educational effects, and this ideal requires the overcoming and elimination of exactly those aspects of the human psyche that manifest themselves in the rights understood as personal freedoms. By the same token, Petrażycki anticipated many trends that characterise the contemporary understanding of human rights

Keywords: participation of citizens in making town planning decisions; principles of town planning law; public discussions; public hearings; judicial protection; local referendum; survey; cancellation of a municipal legal act by way of self-control

Keywords: Leon Petrażycki; human rights; psychological theory of law; imperative-attributive emotions experiences; morality; social ideal of universal active love

For citation: Varlamova N.V. Human Rights in the Leon Petrażycki's Psychological Theory of Law: Reconstruction and Critical Interpretation, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 73-95. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_73.

Введение. В трудах Л.И. Петражицкого мы не найдем хотя бы относительно целостных и развернутых представлений о правах человека. Как верно заметил Э. Фиттипальди, там «можно встретить лишь несколько намеков на явление прав человека» (Фиттипальди 2014: 10). Само по себе это достаточно удивительно. Начиная с Нового времени права человека являлись едва ли не основной проблемой теории и философии права, в том числе и российской, и все концепции права, утверждая свою специфику, выражали то или иное отношение к правам человека. Тем интереснее попытаться реконструировать представления Петражицкого о правах человека и их месте в правовом регулировании из содержащихся в его работах разрозненных высказываний, связанных с пониманием права, его социального назначения и соотношения с нравственностью.

Представления о правах человека, эксплицитно или имплицитно присутствующие в любой концепции права, раскрывают ее подлинный смысл и практические следствия, которые часто остаются завуалированными в построениях более общего характера. В этом одна из причин внимания к данному, не самому очевидному аспекту учения Петражицкого о праве.

Структура правового переживания: соотношение императива и атрибутива. В работах Л.И. Петражицкого встречаются разные, порой противоположные высказывания, показывающие его отношение к правам человека. На первый взгляд, вся теория права Петражицкого строится на базовом концепте прав человека. Право для него – императивно-атрибутивные психические переживания людей. Право трактуется Петражицким как специфическая система социальных связей посредством взаимных прав и обязанностей. В целом эти взаимные права и обязанности должны быть сбалансированы, то есть они призваны обеспечивать реализацию интересов каждого участника правового взаимодействия. Петражицкий соглашался с И. Кантом и другими философами, усматривавшими существо права в таком устройстве отношений, которое позволяет совмещать свободу одного со свободой другого так, «чтобы каждый имел в известных пределах свою сферу свободы» (Петражицкий 2000: 256).

При этом императивная составляющая правовых переживаний является у него рефлексом атрибутива, то есть обязанность обусловлена притязанием и решающее значение имеет удовлетворение управомоченного лица, а не само по себе исполнение соответствующей обязанности (см.: Петражицкий 2000: 74).

Субъект атрибутива предстает у Петражицкого как активно притязующая сторона, которая не просит «милости», не убеждает, а требует «своего» и стремится добиться удовлетворения даже вопреки воле обязанного или же требует его наказания, возмездия (см.: Петражицкий 2010d: 260-261). Это при нравственном одностороннем императивном переживании «лицу, противостоящему обязанному, ничего не принадлежит как свое... ему ничего от обязанного не следует» (Петражицкий 2010d: 261). Обязанность реализуется по свободной воле переживающего ее человека, который может поступить так или иначе, и отказ от ее исполнения не дает повода для протеста (см.: Петражицкий 2010d: 261).

В развитии правоотношения решающую роль играет управомоченный; личность обязанного, его отношение к императиву, его поведение и воля выступают лишь в качестве средства для «доставления удовлетворения управомоченному» (Петражицкий 2010d: 270), причем далеко не всегда единственного и необходимого средства. В частности, исполнение правовой обязанности возможно силами другого лица (например, представителя), а также принудительно, что немисливо применительно к нравственным обязанностям (см.: Петражицкий 2010d: 270-273).

Петражицкий отмечал, что осознание своего права оказывает на человека «важное воспитательное влияние», «делает его гражданином», «сообщает ему сознание собственного достоинства», «необходимую для жизни твердость и уверенность, энергию и предприимчивость» (Петражицкий 2000: 131-132). Не менее значимо осознание своего права и его защита (активное притязание) и для развития общества (см.: Петражицкий 2000: 126-133). Именно атрибутивной функции в праве Петражицкий придавал «решающее значение» (Петражицкий 2000: 134).

Более того, само отличие правового психического переживания от нравственного (и соответственно, *differentia specifica* права в целом) Петражицкому виделось в наличии у него атрибутивной составляющей (притязания, права требования), в его несводимости исключительно к долженствованию (см.: Петражицкий 2000: 57-58, 64-67). «...Не рефлекторный по отношению к атрибутиву, а самостоятельный характер имеет императивность нравственных импульсий», – подчеркивал он (Петражицкий 2000: 74).

Отождествляя право с индивидуальными психическими переживаниями, Петражицкий обосновывал их неоктроированность, то есть непроизводность, причем не только от позитивного права (нормативных фактов в его терминологии), но и вообще от каких-либо «объективных авторитетов». «Приписывание» неким «мистическим авторитетам» способности одаривать людей правами Петражицкий называл «наивно-проекционной точкой зрения» (Петражицкий 2000: 72-73). Права человека (фактически отождествляемые им с субъективными правами) существуют, по его мнению, ис-

ключительно в силу наличия в индивидуальной психике соответствующих императивно-атрибутивных переживаний. Показательно, что различные исторические хартии, закрепляющие права сословий, городов, подчиненных народов (а посредством этого и права человека), Петражицкий рассматривал как акты признания этих прав, а не их законодательного установления (см.: Петражицкий 2000: 477).

Петражицкий исходил из безусловности (категоричности) некоторых базовых интуитивно-правовых убеждений, например, о недопустимости убийства, пыток, истязаний, квалифицированной смертной казни, изнасилования, подлога, порабощения людей и торговли ими, а также о наличии у людей права на отправление своих естественных физиологических потребностей (см.: Петражицкий 2000: 270–271, 484–485). Такие психические убеждения Петражицкий назвал «аксиомами интуитивного права» и утверждал, что они являются «существенным элементом и основой всякого правопорядка», входят «в состав официального права и составляют его основной и существенный элемент» (Петражицкий 2000: 485).

Э. Фиттипальди называет аксиомы интуитивного права Петражицкого основными правовыми убеждениями и в целом обоснованно уподобляет правам человека (см.: Фиттипальди 2014: 26–27; Fittipaldi 2015: 54). Петражицкий и сам полагал, что то, что традиционная философия права называет естественными правами человека, является отражением и выражением «интуитивно-правовых мнений и соответствующих проекций», и указывал, что в данном случае «речь идет не столько о естественно-правовых обязанностях, сколько о правах, о прирожденных, установленных самой природой и т.п. правах человека» (Петражицкий 2000: 408). В пользу оправданности такого уподобления свидетельствуют предлагавшиеся Петражицким интерпретации интуитивного права, в том числе и его соотношения с правом позитивным (которые, впрочем, отчасти противоречивы).

Интуитивные императивно-атрибутивные переживания Петражицкий отождествлял с переживаниями справедливости и справедливостью как таковой, подчеркивая ее двухсторонний императивно-атрибутивный (обязательно-притязательный) и принципиально нормативный характер и обосновывая таким образом собственно правовое, а не нравственное понимание справедливости (см.: Петражицкий 2000: 402–404). Справедливость у него предстает «не как удобное для известной цели, а как должное, независимо от каких бы то ни было целей и расчетов» (Петражицкий 2000: 403). Петражицкий утверждал, что все развиваемые им представления о праве относятся и к справедливости, поскольку справедливость – это и есть право (см.: Петражицкий 2000: 406), и его «учение о праве и интуитивном праве может рассматриваться как соответственно развитое учение о справедливости» (Петражицкий 2000: 407). При этом позитивное право (в традиционном, а не петражицкианском его понимании, то есть законы, обычаи и т.п.) подвергается «критике с точки зрения справедливости как некоего высшего масштаба и критерия» (Петражицкий 2000: 404). И в большинстве случаев «мотивационное действие» сознания своего долга или своего права в сфере интуитивного права явля-

ется более сильным, чем в сфере позитивного права (см.: Петражицкий 2000: 387).

Вместе с тем, отождествляя справедливость с интуитивным правом, Л.И. Петражицкий утверждал, что она «отличается индивидуальной изменчивостью по содержанию», а представления о «вечных, неизменных, имеющих всеобщее значение» нормах справедливости он относил к «наивно-проекционной точке зрения». Поэтому разногласия и конфликты между позитивным правом и справедливостью неизбежны «наряду с согласием в основном и главном содержании» (Петражицкий 2000: 407).

Подчеркивая индивидуально-изменчивый характер интуитивного права, которое «определяется индивидуальными условиями и обстоятельствами жизни каждого, его характером, воспитанием, образованием, социальным положением, профессиональными знаниями, личными знакомствами и сношениями и проч.», Петражицкий признавал и возможность интуитивного права различных социальных групп и даже «современного культурного общества» в целом (см.: Петражицкий 2000: 383)¹. Он отмечал также «унификационную тенденцию», свойственную правовой психике, которая проявляется не только в позитивном, но и в интуитивном праве в виде его своего рода позитивации, формирования относительно определенного содержания, освобождения от «туманности» и «безграничной растжимости», свойственной нравственности (см.: Петражицкий 2000: 384; Петражицкий 2010d: 262-263).

Одновременно Петражицкий считал, что интуитивное право не может быть «руководством для законодательства» (Петражицкий 2000: 386). Он не рассматривал интуитивное право как идеальное и желательное, признавая, что «содержание интуитивного права может быть и бывает и весьма неразумным, варварским, более отсталым, менее разумным, чем существующее позитивное право» (Петражицкий 2000: 381). Вместе с тем, по его мнению, «по мере облагораживания и социализации человеческой психики» сфера действия интуитивного права должна расширяться (см.: Петражицкий 2000: 391-392) и уже сейчас во многих сферах жизни интуитивное право играет «весьма большую и существенную роль», фактически являясь «основой соответствующего социального “правопорядка”», а до применения позитивного права дело доходит лишь «в исключительных патологических ситуациях конфликтов» (Петражицкий 2000: 388).

Однако приведенные выше идеи о первичности атрибута в структуре правового переживания и активной роли притязющего лица в правоотношении не проводились Петражицким последовательно. Наряду с этим он рассматривал притязание как закрепленный за управомоченным лицом долг другого участника правоотношения и утверждал, что права в правоотношении не представляют собой «чего-то отдельного и отличного от правовых обязанностей» (Петражицкий 2000: 58). В таком контексте первичным и исходным элементом структуры правового переживания выступает дол-

¹ Эти подходы в дальнейшем получили развитие в работах М.А. Рейснера (Рейснер 1908; Рейснер 1925).

женствование, а субъективное право является лишь коррелирующим ему и обусловленным им притязанием.

По Петражицкому, мотивом «индивидуального и массового поведения в силу действия специфических правовых эмоций» прежде всего является «само сознание своей правовой обязанности». Предвидение «тех психических и физических реакций», которые могут возникнуть у управомоченного лица в случае нарушения его права, представляет «дополнительное, вспомогательное, мотивационное давление в пользу исполнения долга». Такая «косвенная вспомогательная мотивация» необходима лишь для тех, «у кого эмоции долга в подлежащих областях слишком слабы или совсем отсутствуют» (Петражицкий 2000: 543). Здесь уже первостепенное значение придается Петражицким личности обязанного, ее этическому развитию.

Наиболее очевидно это в интуитивном праве, где отсутствуют различные системы официально (или социально) обеспечиваемых неблагоприятных последствий неисполнения обязанности. Специфика интуитивного права заключается «в сознании атрибутивной обязательности соответствующего поведения независимо от каких бы то ни было посторонних авторитетов» (Петражицкий 2000: 382) и от притязаний субъекта атрибутива. В этом его отличие от позитивного права, где исполнение обязанностей может быть обусловлено различными побочными мотивами, по мнению Петражицкого, «не специфически правовыми» – расчетом, боязнью наказания и т.п. (Петражицкий 2000: 387–388). Другими словами, существование субъективного права зависит не от притязаний управомоченного, а от того, будет ли данное право «приписано» управомоченному психическими переживаниями обязанного лица, то есть воспримет ли обязанное лицо эти притязания как содержание своей обязанности.

В частности, «аксиомы интуитивного права», которые можно уподобить правам человека, выступают у Петражицкого безусловными императивными запретами определенных видов поведения (негативным обязыванием), а не соответствующими притязаниями (рефлексами притязаний), то есть по своей сути являются моральными психическими переживаниями¹. Неслучайно Петражицкий подчеркивал, что «источником и материалом» «для образования соответствующих императивно-атрибутивных принципов поведения» была и есть «величественная христианская, чисто императивная этика», превращение которой «в правосознание» он расценивал как «существенный шаг вперед, социальный прогресс» (Петражицкий 2000: 128).

Само «существо права» Петражицкий усматривал в «связанности нашей воли», когда мы чувствуем и осознаем, что обязаны поступить определенным образом, независимо от того, принесет ли это нам пользу, послужит источником удовольствий или неприятностей, а просто по указанию «внутреннего голоса», по велению «совести» (см.: Петражицкий 2010d:

¹ Петражицкий и сам признавал возможность сомнения: не правильнее ли относить интуитивное право к нравственности (см.: Петражицкий 2000: 381–382).

252). Нормы права – это «абсолютно обязательные правила поведения, т.е. правила, покоящиеся на убеждениях, не обусловленных какими-либо соображениями о целях и интересах»; они «безусловно обязывают нас» и не допускают даже «мысли о наших эгоистических интересах» (стремятся их подавить и исключить). При этом норма существует как «содержание убеждения, то есть собственные психические элементы того, кому она присуща», а «не чужие действия – веления какого-либо... лица» (Петражицкий 2010d: 339).

Таким образом, утверждение А. Валицкого о том, что «характерной чертой философии права Петражицкого был акцент на “права”, то есть на “атрибутивную” функцию права» (Валицкий 2012: 276), достаточно спорно.

Более того, согласно Петражицкому атрибутивная составляющая в структуре правового психического переживания невыгодным образом отличает его от нравственного – односторонне императивного переживания. «Нравственная психика... – подчеркивал он, – вследствие своей чисто императивной, беспритязательной природы есть *мирная психика*, не склонная ни к насильственному добыванию не предоставляемого добровольно, ни к кровавым и иным возмездиям по поводу нарушения долга» (Петражицкий 2000: 147). Правовой психике, напротив, в силу ее атрибутивной, притязательной природы свойственны «тенденции к насильственному добыванию причитающегося и к одиозно-репрессивным действиям в случаях нарушения» (Петражицкий 2000: 147-148). В атрибутивном характере правовой психики в случае несовпадения мнений и убеждений Петражицкий видел «опасное взрывчатое вещество, психический источник разрушения, злобы и мести», что повлекло смерть многих миллионов людей на Земле и разрушение массы человеческих союзов. В связи с этим он ратовал за «унификационную тенденцию» в развитии права (которая призвана обеспечить «приведение к единству, к тождеству и совпадению правовых мнений между сторонами», устранению «разногласий относительно обязанностей – прав»), тонко подмечая одно из существенных различий права и нравственности: направленность права на установление общего (общеприемлемого) порядка в противоположность «индивидуально-разнообразному» характеру нравственных переживаний (см.: Петражицкий 2000: 148).

При этом Петражицкий не проводил содержательных различий между правом и нравственностью (переживаниями правового и морального долга), как и вообще между разными видами социальных норм. «С точки зрения содержания юридических правил (предписываемого ими поведения), – утверждал он, – их нельзя отличить от правил иных категорий, например, правил морали, эстетики (правил приличия), правил техники, политики, гигиены (вообще правил целесообразности) и т.п.» (Петражицкий 2010d: 314). И он не выдвигал никаких требований (ограничений) к содержанию правовых переживаний (см.: Петражицкий 2000: 100-101).

Разницу между правовым и нравственным долгом Л.И. Петражицкий усматривал исключительно в структуре соответствующих психических пе-

реживаний – односторонней императивной (нравственность) и двухсторонней императивно-атрибутивной (право) (см.: Петражицкий 2000: 243-244). Приводя примеры сознания нравственного («помочь нуждающемуся, не отказать в милостыне») и правового («уплатить установленную плату рабочему или прислуге») долга, он поясняет: «...мыслимы субъекты с такой психикой, что, имея дело с нищим, просящим милостыню... они переживают такое сознание долженствования, по которому другой стороне причитается от них получить просимое, другая сторона может притязать на предоставление ей помощи...; равным образом мыслимы такие субъекты, которые, имея дело с прислугой, требующей платежа установленного жалования..., переживают такое сознание долженствования, по которому другой стороне ничего не причитается, она не может притязать на платеж» (Петражицкий 2000: 58-59). И тогда в первом случае речь будет идти о переживании правового долга, а во втором – нравственного. Петражицкий различал «правовые и нравственные явления по характеру субъективных переживаний, а не по каким-либо другим обстоятельствам» (Петражицкий 2000: 59). Отсутствие «каких-либо других обстоятельств» иллюстрируется весьма показательным примером: «Если бы нашелся такой субъект (душевнобольной или т.п.), который бы считал своей священной обязанностью убивать ближних, то мы с точки зрения нашей классификации констатировали бы здесь наличие этического явления (этические эмоции – абстрактны, бланкетны, могут действовать в пользу весьма различного поведения...); и если этот субъект осознавал свой долг как закрепленный за ближними, считал, что они могут притязать на то, чтобы он лишил их жизни, что им причитается от него такая услуга и т.д., то с точки зрения нашего учения следовало бы признать здесь наличие правового сознания, правового долга» (Петражицкий 2000: 59).

Кроме того, правовые и нравственные психические переживания различаются по обусловленной их структурой силе воздействия на поведение. В рамках правовых психических переживаний атрибутивное осознание своего долга как права другого оказывает, по мнению Петражицкого, более сильное давление на поведение, чем одностороннее императивное сознание нравственного долга (см.: Петражицкий 2000: 127-128). Аналогичным образом атрибутивная составляющая правового переживания является сильной активной мотивацией к действиям по реализации соответствующего права (см.: Петражицкий 2000: 129-130). Одновременно Петражицкий допускал преобразование нравственных сугубо императивных переживаний в правовые (когда неисполнение своего долга начинает осознаваться как нарушение права другого) и наоборот¹, и считал распространение осознания социально разумных вариантов поведения в императивно-атрибутивной форме проявлением социального прогресса (см.: Петражицкий 2000: 128).

¹ Причем в индивидуальной психике такие трансформации могут происходить буквально «в несколько секунд» (см.: Петражицкий 2000: 83; Петражицкий 2010d: 315).

Наконец, субъектами прав и обязанностей у Петражицкого могут выступать не только люди, но и фактически любые субъекты и даже объекты (Бог, дьявол, боги (божества), духи, умершие, животные, деревья, камни, бревна, картины и т.п.); они могут состоять в правоотношениях как с людьми, так и между собой, поскольку всем им человеком могут быть «приписаны» различные императивно-атрибутивные переживания (см.: Петражицкий 2000: 100-120)¹. Такое перенесение правосубъектности на нечеловеческие (реальные или иллюзорные) сущности, не способные активно притязать (ну разве что в представлениях обязанного лица) также свидетельствует о первичности (и исключительной значимости) императивной составляющей в правовом психическом переживании – переживании человеком своего долга по отношению к таким субъектам-объектам².

Таким образом, структурное различие правовых и моральных переживаний этического долга, изначально заявленное Петражицким в качестве критерия их обособления, постепенно «размывается», становится неочевидным и неважным, а вместе с этим исчезает и само субъективное право, превращаясь в простой рефлекс самодовлеющей обязанности, не обусловленной никакими реальными притязаниями. И это не просто непоследовательность теоретических построений Петражицкого, а отражение его социального идеала.

Права человека и идеал всеобщей любви: проблема совместимости. Согласно Л.И. Петражицкому вопросы содержания права, сами по себе весьма интересные и важные, не носят теоретического характера. Поиск ответа на них – задача предложенной Петражицким «практической науки – политики права» (Петражицкий 2000: 245), которая должна быть посвящена «разработке начал желательного, рационального права и законодательства» (Петражицкий 2000: 379). Именно развитие науки политики права Петражицкий отождествлял с идеей возрождения естественного права (Петражицкий 2010с: 570). Изыскания в данной области привели его к весьма показательным выводам.

Петражицкий рассматривал право как средство «перевоспитания породы *homo sapiens*» (Петражицкий 2010с: 581). Право осуществляет

¹ Вместе с тем Петражицкий неоднократно подчеркивал, что все «права» и «обязанности» «приписываются» данным нечеловеческим сущностям людьми, то есть соответствующие императивно-атрибутивные переживания существуют в психике человека. Духи, животные и камни являются субъектами права лишь в воображении человека. В действительности субъектами права – лицами, испытывающими императивно-атрибутивные психические переживания, – могут быть только люди.

² Упомянутые Петражицким исторические примеры процессов над животными и предметами, например над «камнями-убийцами» (см.: Петражицкий 2000: 109), а также «наказания» богов за неисполнение обязанностей по отношению к людям – «лишение пищи» (жертвоприношений), «телесные наказания» (битье идолов палками или камнями) (см.: Петражицкий 2000: 115) свидетельствуют лишь о свойственном примитивному сознанию очеловечиванию всего сущего (реального или воображаемого) (см.: Конт 2001: 7-9; Кельзен 2015: 109-112). Практическое значение может иметь «приписывание» нечеловеческим сущностям только прав, являющееся в действительности приписыванием человеком себе обязанностей по отношению к таким сущностям.

«педагогическое действие», и задача политики права в представлении Петражицкого «заключается: 1) в рациональном направлении индивидуального и массового поведения посредством соответственной правовой мотивации, 2) в совершенствовании человеческой психики, в очищении ее от злых, антисоциальных склонностей, в насаждении и укреплении противоположных склонностей» (Петражицкий 2010с: 567).

При этом в политике права Петражицкого четко проявляется нерасчлененность нравственности и права и даже подчиненность права нравственности. Цель права Петражицкий видел в «ускорении нравственного прогресса». Право, по его мнению, – это «нравственная школа, воспитательное учреждение для народа и человечества вообще» (Петражицкий 2010b: 12). При таком подходе человек выступает не субъектом права, действующим по своей воле и в своем интересе, а объектом его воспитательного воздействия¹.

Высшее благо, к которому должна стремиться политика права, – «нравственное развитие человека, достижение высокой разумной этики в человечестве, а именно идеала любви» (Петражицкий 2010b: 10). Признание любви идеалом и высшим благом есть «аксиома практического разума», которая «не требует доказательств и не может быть доказана» (Петражицкий 2010b: 10). Э. Фиттипальди вполне обоснованно полагает, что в данном случае Петражицкий имел в виду одну из весьма разнообразных выделяемых им форм любви, а именно «любовь к ближним» (см.: Фиттипальди 2014: 15; Fittipaldi 2015: 40), имеющую особый эмоциональный характер, заключающийся «в отсутствии или, точнее, слабом развитии склонностей к одиозным, зложелательным моторным возбуждениям по адресу других и в сильном и обильном развитии склонностей противоположного, каритативного, благожелательного характера» (Петражицкий 2010a: 555). Такая «любовь» у Петражицкого стоит в одном ряду со «свободой от эгоизма», «альтруизмом», «солидарностью» (Петражицкий 2010с: 576).

Право и права человека носят у Петражицкого исторически преходящий характер. Права, по его мнению, не являются «неизбежными и вечными спутниками общественной жизни» (Петражицкий 2010с: 593). Основная тенденция развития права – это направление «индивидуального и массового поведения и народной психики» «в сторону общего блага» (Петражицкий 2010с: 568).

¹ Работа Л.И. Петражицкого «Введение в науку политики права» (1896–1897 гг.) была написана им до детального обоснования своей психологической концепции права (первое издание книги «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» вышло в свет в 1907 г.), поэтому задаваться вопросом, как представление права в виде «воспитательного учреждения» для человека соотносится с его же пониманием как индивидуального психического переживания человека, вероятно бессмысленно. Но от базовых идей относительно социального назначения права, развиваемых во «Введении в науку политики права», Петражицкий не отказался и в своих более поздних произведениях. Как подчеркивает А. Валицкий, «научная политика права была любимой идеей Петражицкого не только в начале его научной деятельности, но и позднее, после того как его психологическая теория права приняла свои окончательные очертания» (Валицкий 2012: 321).

Петражицкий отвергал понимание притязания как стремления к реализации индивидуального эгоистического интереса. Представление о том, что «смысл и значение прав состоит в доставлении выгод, в удовлетворении потребностей, интересов тех, кому они принадлежат», он считал ошибочным, особенно применительно к правам «служебной», «социальной», «опекунской» власти (см.: Петражицкий 2000: 299-300). При этом он не видел особых различий между субъективными правами частных лиц и публично-властными («служебными») и частноправовыми (например, опекуна, представителя) полномочиями. По мнению Петражицкого, «весьма наивно и поверхностно думать», что соответствующие императивно-атрибутивные психические переживания «развиваются ради интересов тех или других субъектов» или предоставляют им «сферу свободы» и «возможность действовать» (Петражицкий 2000: 300-301). Для понимания социального смысла, «например, прав собственности, долговых, наследственных прав следует иметь в виду не карманы тех или иных собственников, кредиторов, наследников, а народное хозяйство и народную культуру» (Петражицкий 2000: 300). Право, как и нравственность, у него имеет целью «благо и процветание общества и духовно-культурное воспитание человечества» (Петражицкий 2000: 300). «Существо гражданского права, – подчеркивал Л.И. Петражицкий, – состоит в положительной, организаторской функции (распределение, производство, обращение хозяйственных благ), а не в отрицательной, не в защите частных интересов от нарушений и принуждений. С этой точки зрения судебная практика имеет дело не с существенной, а с несущественной, случайной, приходящей функцией гражданского права» (Петражицкий 2010b: 54).

Цель правового воздействия, по Петражицкому, – постепенное вытеснение из психики эгоистических мотивов; обращение к ним в правовом регулировании должно последовательно минимизироваться (см.: Петражицкий 2010c: 575). Средствами воздействия, эксплуатирующими человеческий эгоизм, Петражицкий считал правовые санкции и стимулы и полагал, что от их использования в пределе необходимо отказаться. По его мнению, с помощью права человечество должно воспитываться «в постепенной общей социализации психики, общечеловеческой солидарности, способности и готовности служить общему делу без особых кар и наград» (Петражицкий 2010c: 574).

Либеральное регулирование, предполагающее переориентацию прежней «примитивной» социально-правовой мотивации, основанной на «начальственно-опекунском давлении», «грозно-деспотическом режиме», покорности и страхе, на мотивы собственных интересов, представлялось Петражицкому полезным, исторически оправданным, но промежуточным этапом развития, конечной целью которого является социальный идеал всеобщей общечеловеческой любви (см.: Петражицкий 2010c: 578-582). «Воспитательная функция» современного частного права (права собственности, наследования, договоров и т.п.) заключается в поощрении хозяйственной инициативы, трудолюбия, бережливости. Причем аналогичную задачу (преодоление лени и воспитание трудолюбия) в предшествующие

исторические эпохи выполняли институты рабства и крепостничества (см.: Петражицкий 2010с: 585).

Отмечая «грандиознейшие воспитательные результаты», достигнутые частным правом с его «правильной лично-семейственной хозяйственной мотивацией» в искоренении лени, апатии, небрежности, расточительства, развитии трудолюбия, предприимчивости, воздержания и самоограничения, Петражицкий подчеркивал ослабление такой мотивации в современных ему условиях и предсказывал ее полное упразднение в будущем при государственном социализме (см.: Петражицкий 2010с: 585-587; Петражицкий 2000: 557). Частная собственность – основа индивидуальной автономии и свободы – объявлялась Петражицким «в наиболее культурно развитых странах» уже сделавшей «свое воспитательное дело» и «более ненадобной» (Петражицкий 2010с: 587). Он ратовал за расширение централизованной государственной системы производства и распределения, поскольку она меняет побудительные мотивы деятельности людей «с мотива собственного и семейного хозяйственного интереса на мотив долга, нравственной и юридической обязанности, служения общему благу» (Петражицкий 2010b: 22).

Таким образом, для Петражицкого субъективные права – это социально оправданные, и более того, социально полезные потребности, подлежащие удовлетворению за счет обязанного лица. И он весьма далек от либерального (восходящего к Дж. Локку) понимания прав человека как притязаний на индивидуальную свободу, а отсюда и права в целом как такого порядка отношений, в рамках которого данные притязания уважаются и защищаются. В обеспечении индивидуальной свободы и частного эгоистического интереса Петражицкий не видел специфики ни субъективного права, ни права в целом как особого социального регулятора. Социальный смысл любых притязаний должен интерпретироваться исходя из потребностей общественного благосостояния.

Воспитание «социально-идеальной психики», по Петражицкому, исключает необходимость какого-либо принуждения и психического давления, а значит, и саму возможность существования права. «Закон эволюции права есть закон нисходящей прогрессии мотивационного давления с нулевым давлением, т.е. упразднением соответственного права в конце» (Петражицкий 2010с: 589). Право, по мнению Петражицкого, вообще «существует из-за невоспитанности, дефектности человеческой психики, и его задача состоит в том, чтобы сделать себя лишним и быть упраздненным» (Петражицкий 2010с: 591).

Аналогичную судьбу он пророчил и нравственности: «Идеал любви в нашем смысле есть не только сверхправный, что само собой разумеется, но и сверхнравственный идеал. С течением времени вся нравственность отойдет в область преданий, как воспоминание о былой некультурности людей и необходимости держать их психику в тисках нравственности» (Петражицкий 2010с: 593). Нравственность, как и право, «необходимо психологически упраздняется по мере достижения соответственных воспитательных успехов» (Петражицкий 2010с: 592). Совместная жизнь людей будет организовываться посредством «установления общих планов

действий и их охотного исполнения без всяких психических давлений» (Петражицкий 2010с: 591).

Такие представления, помимо своей утопичности, демонстрируют приверженность Петражицкого сугубо принудительному пониманию права и нравственности, которые «есть продукт бессознательно-удачного социально-психического приспособления для психического давления в направлении социально-необходимого поведения и воспитания, для недопущения свободного действия» (Петражицкий 2010с: 592). Права человека (в их традиционном понимании) у Петражицкого это не цель правового регулирования и критерий надлежащей социальной организации, а лишь средства «исправления» человеческой природы, под воздействием которых человек должен побороть свою изначальную (и подлинно человеческую) сущность, отказаться от своей свободы.

Несмотря на то, что Петражицкий всегда подчеркивал, что нравственные и правовые нормативные убеждения носят не-телеологический характер, то есть не обусловлены гедонистическими, утилитарными, прагматическими соображениями и эгоистическими интересами (см.: Петражицкий 2010d: 252, 339; Петражицкий 2000: 35-36, 83, 543), его представления удивительным образом пересекаются с идеями утилитаристов. Правовая политика Петражицкого, обосновывающая воспитательное воздействие права, ориентированное на формирование в психике человека эмоций, которые соответствуют «общественному благу» и действуют «в пользу социально желательного и против социально вредного поведения» (Петражицкий 2000: 127), напоминает утилитаристский «моральный расчет», предполагающий определение «тенденции» поступка, то есть степени, в которой он максимизирует общую полезность, способствует или препятствует достижению всеобщего блага. На основании такого расчета происходит отбор «правильных линий поведения» и корректировка «тенденций» посредством устанавливаемых правил поведения, нарушение которых влечет для человека страдания, а исполнение гарантирует получение удовольствия (см.: Платонов 2020: 51-52, 57, 59). При этом люди рассматриваются утилитаристами исключительно «как потенциальные производители или потребители блага» (Кимлика 2010: 61) – «совокупного счастья». Моральная значимость обособленности, самостоятельности отдельных индивидуумов утилитаризмом игнорируется, их уникальное счастье самоценности не имеет, им можно пренебречь в целях максимизации общей полезности (см.: Hart 1983: 200-201).

Успехи «воспитания» посредством правового и нравственного «давления», по Петражицкому, ведут к освобождению человеческой психики от «диссонансов и дисгармоний» (Петражицкий 2010с: 588), в следствие чего психика перестанет нуждаться «во внутренних понуканиях нравственности», поскольку в ней не будет «борьбы позывов к убийству, присвоению чужого, лжи и т.п.» и «голоса совести», восстающего против этого, противоположных понуканий и стеснений внутренней свободы со стороны нравственности» (Петражицкий 2010с: 592). Такой социальный идеал всеобщей любви Петражицкого в определенной мере может быть уподоблен Панопти-

кону – разработанному И. Бентамом проекту организации инспекционного учреждения, предназначенного для содержания под надзором различных категорий лиц (см.: Bentham 2017). Паноптикон отличает абсолютность, постоянность и вездесущность контроля невидимых наблюдателей, под-держивающих порядок посредством простых и самоочевидных для под-надзорных лиц поощрений и наказаний, которые не оставляют им свободы выбора и делают следование установленным правилам неизбежным.

По мнению социологов, «Паноптикон» И. Бентама можно прочесть «как притчу об обществе в целом – устойчивом обществе, упорядоченном обществе, обществе без преступлений, обществе, в котором нонконформизм легко обнаруживается и устраняется, обществе, которое активно ищет наивысшей выгоды и величайшего счастья для своих членов, обществе, снабженном всеми функциями и ролями, которые необходимы для его выживания и успеха» (Бауман 2006: 33). Паноптикон гарантирует всем счастье, понимаемое как состояние «мира и покоя», характеризующее «регулярностью, постоянством и предсказуемостью внешнего контекста», где «ничто не оставлено на волю случая» и «никакие реалистические альтернативы не обременяют... необходимостью выбора» (Бауман 2006: 26). Состояние «мира и покоя» включает в себя «и необходимые, и достаточные элементы счастья. “Суверенитет индивида” и свобода выбора в их число не входят» (Бауман 2006: 27).

Место главного надзирателя Паноптикона или, по Дж. Ролзу, беспристрастного доброжелательного наблюдателя (см.: Ролз 1995: 37, 65) у Петражицкого занимает «научная сознательно-рациональная политика», а фактически – определяющие ее люди, которые «на почве научного света и понимания причинных зависимостей» будут осуществлять «сложнейшее дело социальной мотивации и постепенного перевоспитания в тысячах отношений человеческой породы» (Петражицкий 2010с: 588). Очевидно, только они и сохраняют способность к свободному выбору (хотя бы направлений, форм и методов «воспитательного воздействия»).

Таким образом, развитие права, по Петражицкому, имеет своей целью нивелирование в человеческой психике как раз тех компонентов (притязаний на свободную, самостоятельную, независимую, и в этом смысле эгоистическую, самореализацию), которые традиционно юридически защищаются как права человека. Б.Н. Чичерин, характеризуя политику права Петражицкого, писал: «Чего только нет в этой науке будущего! Тут и проповедь любви Ап. Павла, которая должна сделаться целью правоведения (!), и экономическое устройство общества по новейшим рецептам немецких социалистов... Нет только того, что составляет источник и основание всякого права – человеческой личности, с ее духовной природой и вытекающими из нее требованиями» (Чичерин 2011: 4).

Актуализация идей Л.И. Петражицкого в современных трактовках прав человека. Э. Фиттипальди попытался «поместить» права человека в их современном понимании в рамки теории Л.И. Петражицкого и показать, каким образом они могут быть объяснены посредством разработанных им понятий. В частности, Фиттипальди рассматривает рост качества

и количества признаваемых прав как выражение тенденции увеличения аффилиативных установок в психике человека (см.: Фиттипальди 2014: 17; Fittipaldi 2015: 39). «Существование у некоторого Субъекта императивно-атрибутивной репульсии в отношении причинения боли определенному классу животных, например, большим человекообразным обезьянам, означает, в терминологии Петражицкого, существование в психике Субъекта представления человекоподобных обезьян как имеющих определенные права», – поясняет он (Фиттипальди 2014: 17).

При этом Э. Фиттипальди весьма точно подмечает, что по меньшей мере странно утверждать, что носителями прав человека выступают животные, и предлагает использовать термин «основные права» (см.: Фиттипальди 2014: 17-18). Однако вряд ли человек и животные могут рассматриваться как обладающие одинаковым набором «основных прав». Поэтому права, традиционно атрибутируемые человеку, перестают быть «основными», а набор «основных прав» сокращается до некоторого (весьма ограниченного) количества аффилиативных эмоций, которые человек может испытывать по отношению ко всем живым существам. Ведь одна из важнейших функций института основных прав – обеспечение равного правового статуса обладающих ими субъектов. Очевидно, что в такой интерпретации «основные права» утрачивают значение в регулировании отношений между людьми.

Вторая терминологическая новация, предлагаемая Э. Фиттипальди, – «гуманные правовые убеждения» или «гуманные права» (см.: Фиттипальди 2014: 18) – тоже довольно сомнительна. Во-первых, здесь (как и у самого Петражицкого) явно акцентируется императивная составляющая соответствующих психических переживаний, что, как уже отмечалось, характерно для нравственных обязательств, в то время как права человека традиционно ассоциируются с притязаниями обладающих ими субъектов. Во-вторых, термин «гуманный» произведен от человека, а не является просто синонимом чего-то хорошего и доброго. Таким образом, «гуманные права» – это притязания на обращение с собой как с человеком и осознание обязанности обращения с другим как с человеком, что применительно к идее диверсификации субъектов таких прав у Петражицкого порождает те же самые проблемы, что и исходный термин «права человека».

По Э. Фиттипальди, основные права – «основные правовые убеждения являются основными не вследствие некоторого содержания, совпадающего со списком прав человека, но вследствие основной роли, которую они играют в психике определенного Субъекта» (Фиттипальди 2014: 19). Такой подход вполне соответствует позитивистской (в смысле бессодержательности) концепции Петражицкого. Основные правовые убеждения Э. Фиттипальди рассматривает как «конечные этические убеждения» человека, предопределяющие¹ все иные его психические убеждения (см.: Фиттипальди 2014: 20; Fittipaldi 2015: 44-45). Он называет такие убеждения ананкастическими нормативно-фактическими убеждениями и подчеркивает, что, если неко-

¹Видимо, речь все же идет о содержательном предопределении.

торый нормативный факт несовместим с ними, он не переживается субъектом как обязывающий (см.: Фиттипальди 2014: 24; Fittipaldi 2015: 49).

Ананкастические нормативно-фактические убеждения могут быть как формальными, касающимися процедурных моментов, так и содержательными (см.: Фиттипальди 2014: 20-21; Fittipaldi 2015: 46-47). Э. Фиттипальди отождествляет права человека именно с содержательными ананкастическими нормативно-фактическими убеждениями, или аксиомами интуитивного права, по Петражицкому (см.: Фиттипальди 2014: 126-127, 130; Fittipaldi 2015: 53-55). Он замечает, что наличие таких психических убеждений, несовместимость с которыми не позволяет субъекту переживать тот или иной нормативный факт как обязывающий, – «редкое или чрезвычайное явление» (см.: Фиттипальди 2014: 27-28). Это плохо соотносится с той ролью, которую права человека играют в современном правовом регулировании и прежде всего в практике конституционного контроля и международного правосудия. Правда, Э. Фиттипальди подчеркивает, что такие убеждения порождают у должностных лиц переживания, уполномочивающие их издавать нормоуничтожительные акты, направленные против нормативного факта, противоречащего их содержательным ананкастическим нормативно-фактическим убеждениям, в чем, собственно, по его мнению, и заключается смысл конституционной юстиции (см.: Фиттипальди 2014: 28-30; Fittipaldi 2015: 56-58).

В целом такая петражицкианская интерпретация прав человека не свободна от натяжек, хотя и демонстрирует определенный объяснительный потенциал психологической концепции права – прежде всего в отношении новых субъектов прав. Акцентирование Петражицким императивной составляющей в правовом психическом переживании, когда субъективное право «приписывается» обязанным лицом управомоченному независимо от его притязания и даже от его реального существования, оказывается весьма удобной конструкцией для теоретического обоснования прав животных, будущих поколений, всего человечества и т.п., которое в последнее время получило широкое распространение.

Так, сторонники признания прав животных фактически имеют в виду обязанности людей обеспечивать их благополучное существование (см.: Singer, Cavalieri 1996; McCausland 2014; Kotzmann, Seery 2018). Права будущих поколений, включающие экологические права, предполагающие защиту среды обитания в целях устойчивого развития человечества, и биоэтические права, направленные на защиту идентичности человечества как специфической биологической популяции в условиях развития биоинженерии и генетических исследований (см.: Шевченко 2020; Gaillard 2021; Kurbalija 2021; Lewis 2018), также тождественны самообязыванию нынешних поколений людей перед потомками, основанному на «предвидении» их возможных притязаний.

Безусловно, все эти вопросы нуждаются в правовом регулировании, но конструкция прав человека не самый удачный вариант для юридизации соответствующих отношений. Субъектом права может быть только человек – лицо, в силу своей природы (наличия свободы воли), способное

к активному притязанию и требующее признания и уважения своих притязаний. Собственно, эти притязания и образуют права человека, определяя корреспондирующие им и обеспечивающие их обязанности. Приписывание прав человека животным, различным общностям и сущностям (будущим поколениям, природе, биоте и т.п.) нивелирует их юридический смысл. В результате и человек из активного субъекта прав превращается в пассивный объект заботы со стороны государства и общества. Такая идея, в частности, заложена в основополагающем и самоочевидном моральном праве «на равную заботу и уважение» (a right to equal concern and respect) со стороны государства у Р. Дворкина (см.: Дворкин 2004: 247-251, 366-374).

В целом наука политики права Л.И. Петражицкого, действительно, имеет немало общего с современными концепциями естественного права¹. Так, центральным моментом естественно-правовых концепций является идея общего блага, на достижение которого должно быть направлено правовое регулирование, а права человека обычно трактуются как составляющие общего блага, причем тесным образом связанные с обязанностями человека по отношению к ближним и обществу в целом, а порой и подменяемые ими (см.: Финнис 2012: 265, 270, 278). В современных интерпретациях прав человека все чаще акцентируется их моральный, а главное – социально оправданный характер, направленность на обеспечение единения и общего блага сообщества. Свобода не рассматривается в качестве правообразующей ценности, исключительного или по крайней мере основополагающего притязания.

Заключение. Предпринятая реконструкция воззрений Л.И. Петражицкого делает очевидными причины отсутствия в его концепции развернутых рассуждений о правах человека – данный аспект не был для него существенным в понимании права и его роли в обществе, равно как и в определении надлежащего характера взаимодействия человека с другими людьми, институтами публичной и иной социальной власти. Индивидуализм, лежащий в основе идеи прав человека, Петражицкий считал «преходящей фазой исторического воспитания человечества» (Валицкий 2012: 310). Целью его политики права была полная «социализация» человека, которая «для того чтобы быть истинной и эффективной, должна занять место внутри индивидуальной души, внедриться в сущность, а не давить на человека как внешняя сила» (Валицкий 2012: 310). В связи с этим нельзя

¹ Сам Л.И. Петражицкий отмечал, что «прежняя так называемая школа естественного права исполняла в известной степени функции политики права (указывая пути для прогресса и совершенствования права)» (Петражицкий 2000: 380), и в этом смысле в возникновении политики права усматривал возрождение естественного права. Однако он считал методологически неправильным (нарушением адекватности определения) рассматривать науку политики права как основанную на принципах естественного права или определяющую их, поскольку представления о желательном, рациональном праве не следует путать с самим правом или отождествлять с одним из видов права – естественным правом, существующим наряду с реальным (позитивным) правом (см.: Петражицкий 2000: 380).

признать обоснованным традиционное причисление Петражицкого к российским либералам¹.

Петражицкому удалось предвосхитить многие современные тенденции развития научного и политического дискурса о правах человека, для которого в общем и целом характерен отказ от их понимания как притязаний на индивидуальную свободу. В новейших трактовках прав человека оказались восприняты многие идеи Петражицкого. Права человека сегодня рассматриваются как морально и социально оправданные притязания на удовлетворение его базовых потребностей, перечень которых разнообразен и исторически изменчив. Права человека являются условием и следствием включения человека в национальные и глобальные сообщества, производны от существующей системы институциональных структур и процедур, обеспечивающих их предоставление и защиту, то есть от соответствующих обязанностей (см.: Vila 2017: 395-397), и, наконец (и в силу этого), атрибутируются не только людям, но и высшим животным, социальным общностям (в том числе воображаемым – будущим поколениям) и даже искусственному интеллекту (см.: Ястребов 2018: 45-47).

Изначально заложенная в правах человека идея его свободы, автономии, активного притязания в своих собственных интересах, возможности противопоставлять себя сообществу, самостоятельно выбирать сообщества, с которыми ассоциироваться, и т.п. сегодня, как и мечталось Л.И. Петражицкому, все чаще оказывается забытой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бауман З. 2006. Свобода / пер. с англ. Г.М. Дашевского. Москва : Новое изд-во. 132 с.
- Валицкий А. 2012. Философия права русского либерализма / пер. с англ. О.В. Овчинниковой, О.Р. Пазухиной, С.Л. Чижкова, Н.А. Чистяковой. Москва : Мысль. 567 с.
- Дворкин Р. 2004. О правах всерьез / пер. с англ. М.Л. Лахути, Л.Б. Макеевой. Москва : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 392 с.
- Кельзен Г. 2015. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. Санкт-Петербург : Издат. дом «Алеф-Пресс». 542 с.
- Кимлика У. 2010. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. Москва : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 592 с.
- Конт О. 2001. Дух позитивной философии. Санкт-Петербург : С.-Петерб. филос. о-во. XIV, 162 с.
- Леонтович В.В. 1995. История либерализма в России (1762–1914) / пер. с нем. И. Иловайской. Москва : Рус. путь : Полиграфресурсы. 550 с.
- Петражицкий Л.И. 2000. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Санкт-Петербург : Лань. 608 с.

¹ А. Валицкий, относя его к таковым (см.: Валицкий 2012: 282, 285-286), вместе с тем замечает, что Петражицкий обычно не упоминается в исследованиях по российскому либерализму, в частности в таких работах, как: (Леонтович 1995; Fischer 1958; Timberlake 1972).

Петражицкий Л.И. 2010а. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии (1908) // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / ред. Е.В. Тимошина. Санкт-Петербург : Университет. издат. консорциум «Юрид. кн.». С. 380-560.

Петражицкий Л.И. 2010б. Введение в науку политики права (1896–1897) // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / ред. Е.В. Тимошина. Санкт-Петербург : Университет. издат. консорциум «Юрид. кн.». С. 3-184.

Петражицкий Л.И. 2010с. К вопросу о социальном идеале и возрождение естественного права (1913) // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / ред. Е.В. Тимошина. Санкт-Петербург : Университет. издат. консорциум «Юрид. кн.». С. 561-598.

Петражицкий Л.И. 2010d. Очерки философии права (1900–1903) // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / ред. Е.В. Тимошина. Санкт-Петербург : Университет. издат. консорциум «Юрид. кн.». С. 245-379.

Платонов Р.С. 2020. Моральная универсальность в этике классического утилитаризма (Иеремия Бентам, Джон Стюарт Милль) // Антиномии. Т. 20, вып. 4. С. 45-64. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10403

Рейснер М.А. 1908. Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология. Санкт-Петербург : Типогр. т-ва «Обществ. польза». 240 с.

Рейснер М.А. 1925. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Ленинград ; Москва : Гос. изд-во. 276 с.

Ролз Дж. 1995. Теория справедливости / пер. с англ. В.В. Целищева, В.Н. Карповича, А.А. Шевченко. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та. 536 с.

Финнис Дж. 2012. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В.П. Гайдамака и А.В. Панихиной. Москва : ИРИСЭН : Мысль. 554 с.

Фиттипальди Э. 2014. Психосоциология прав человека: две петражицкианские перспективы // Правоведение. № 5. С. 8-30.

Чичерин Б.Н. 2011. Философия права. 2-е изд. Москва : Кн. дом «Либроком». 344 с.

Шевченко С.Ю. 2020. Права будущих поколений и регулирование геномных исследований // Горизонты гуманитарного знания. № 2. С. 30-44. DOI 10.17805/ggz.2020.2.2

Ястребов О.А. 2018. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. Т. 13, № 2. С. 36-55.

Bentham J. 2017. Panopticon: Or the Inspection House. Whithorn : Anodos Books. 55 p.

Fischer G. 1958. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge : Harvard Univ. Press. IX, 240 p.

Fittipaldi E. 2015. Love, Anankasticity, and Human Rights: The Perspective of a Petrażyckiian Continental Legal Realism // Zasada proporcjonalności a ochrona praw podstawowych w państwach Europy – The Principle of Proportionality and the Protection of the Fundamental rights in the European States / Redaktor / Ed. by P. Szymaniec. Wałbrzych : Wydawnictwo Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej im. Angelusa Silesiusa w Wałbrzychu. P. 35-64.

Gaillard É. 2021. The Rights of Future Generations, A New Legal Humanism // ID4D. Sustainable Development News. URL: <https://ideas4development.org/en/rights-future-generations-legal-humanism/> (дата обращения: 25.12.2021).

Hart H.L.A. 1983. Between Utility and Rights // Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. New York : Oxford Univ. Press. P. 198-222. DOI 10.1093/acprof:oso/9780198253884.001.0001

Kotzmann J., Seery C. 2018. Dignity in International Human Rights Law: Potential Applicability in Relation to International Recognition of Animal Rights // Michigan State International Law Review. Vol. 26, iss. 1. P. 1-42.

Kurbalija J. 2021. The Rights of Future Generations: What Are Our Responsibilities? // DiPLO. URL: <https://www.diplomacy.edu/blog/are-we-responsible-for-the-rights-of-future-generations/> (дата обращения: 25.12.2021).

Lewis B. 2018. The Rights of Future Generations within the Post-Paris Climate Regime // Transnational Environmental Law. Vol. 7, iss. 1. P. 69-87. DOI 10.1017/S2047102517000243

McCausland C. 2014. The Five Freedoms of Animal Welfare Are Rights // Journal of Agricultural and Environmental Ethics. Vol. 27, iss. 4. P. 649-662. DOI 10.1007/s10806-013-9483-6

Singer P., Cavalieri P. (eds.) 1996. The Great Ape Project: Equality Beyond Humanity / Ed. by P. Singer, P. Cavalieri. London : St. Martin's Publishing Group. 312 p.

Timberlake C.E. (ed.). 1972. Essays on Russian Liberalism / Ed. by C.E. Timberlake. Columbia : Univ. of Missouri Press. 192 p.

Vila M.I. 2017. Subsidiarity, Margin of Appreciation and International Adjudication within a Cooperative Conception of Human Rights // International Journal of Constitutional Law. Vol. 15, № 2. P. 393-413. DOI 10.1093/icon/mox035.

References

Bauman Z. *Freedom*, Moscow, Novoye izdatel'stvo, 2006, 132 p. (in Russ.).
Bentham J. *Panopticon: Or the Inspection House*, Whithorn, Anodos Books, 2017, 55 p.

Chicherin B.N. *Philosophy of Law*. 2nd ed., Moscow, Knizhnyy dom "LIBROKOM", 2011, 344 p. (in Russ.).

Comte A. *The Spirit of the Positive Philosophy*, St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2001, xiv, 162 p. (in Russ.).

Dworkin R. *Taking Rights Seriously*, Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004, 392 p. (in Russ.).

Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*, Moscow, IRISEN, Mysl', 2012, 554 p. (in Russ.).

Fischer G. *Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia*. Cambridge, Harvard University Press, 1958. ix, 240 p.

Fittipaldi E. Love, Anankasticity, and Human Rights: The Perspective of a Petrażyckian Continental Legal Realism, *Szymaniec P. (ed.) Zasada proporcjonalności a ochrona praw podstawowych w państwach Europy – The Principle of Proportionality and the Protection of the Fundamental rights in the European States*. Wałbrzych, Wydawnictwo Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej im. Angelusa Silesiusa w Wałbrzychu, 2015, pp. 35-64.

Fittipaldi E. Psycho-sociology of Fundamental Rights: Two Petrażyckian Perspectives, *Pravovedenie*, 2014, no. 5, pp. 8-30. (in Russ.).

Gaillard É. The Rights of Future Generations, A New Legal Humanism, June 17, 2021, *ID4D. Sustainable Development News*, available at: <https://ideas4development.org/en/rights-future-generations-legal-humanism/> (accessed December 25, 2021).

Hart H.L.A. Between Utility and Rights, *Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy*, New York, Oxford University Press, 1983, pp. 198-222. DOI 10.1093/acprof:oso/9780198253884.001.0001

Kelsen H. *Pure Theory of Law*, 2nd ed., St. Petersburg, Izdatel'skiy Dom "Alef-Press", 2015, 542 p. (in Russ.).

Kotzmann J., Seery C. Dignity in International Human Rights Law: Potential Applicability in Relation to International Recognition of Animal Rights, *Michigan State International Law Review*, 2018, vol. 26, iss. 1, pp. 1-42.

Kurbalija J. The Rights of Future Generations: What Are Our Responsibilities? October 7, 2021, *DiPLO*, available at: <https://www.diplomacy.edu/blog/are-we-responsible-for-the-rights-of-future-generations/> (accessed December 25, 2021).

Kymlicka W. *Contemporary Political Philosophy. An Introduction*, Moscow, Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vyshey shkoly ekonomiki, 2010, 592 p. (in Russ.).

Leontovich V.V. *History of Liberalism in Russia (1762–1914)*, Moscow, Russkiy put', Poligrafresursy, 550 p. (in Russ.).

Lewis B. The Rights of Future Generations within the Post-Paris Climate Regime, *Transnational Environmental Law*, 2018, vol. 7, iss. 1, pp. 69-87. DOI <https://doi.org/10.1017/S2047102517000243>

McCausland C. The Five Freedoms of Animal Welfare Are Rights, *Journal of Agricultural and Environmental Ethics*, 2014, vol. 27, iss. 4, pp. 649-662. DOI 10.1007/s10806-013-9483-6

Petrażycki L.I. Introduction to Science of Legal Policy (1896–1897), *Petrażycki L.I. Theory and Policy of Law. Selected Works*, St. Petersburg, Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium “Yuridicheskaya kniga”, 2010, pp. 3-184. (in Russ.).

Petrażycki L.I. Introduction to the Study of Law and Morality. Basics of Emotional Psychology (1908), *Petrażycki L.I. Theory and Policy of Law. Selected Works*, St. Petersburg, Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium “Yuridicheskaya kniga”, 2010, pp. 380-560. (in Russ.).

Petrażycki L.I. On Social Ideal and Revival of Natural Law (1913), *Petrażycki L.I. Theory and Policy of Law. Selected Works*, St. Petersburg, Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium “Yuridicheskaya kniga”, 2010, pp. 561-598. (in Russ.).

Petrażycki L.I. Sketches of Philosophy of Law (1990–1903), *Petrażycki L.I. Theory and Policy of Law. Selected Works*, St. Petersburg, Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium “Yuridicheskaya kniga”, 2010, pp. 245-379. (in Russ.).

Petrażycki L.I. *Theory of Law and State in Connection with a Theory of Morality*, St. Petersburg, Izdatel'stvo Lan', 608 p. (in Russ.).

Platonov R.S. Moral Universality in the Ethics of Classical Utilitarianism (Jeremy Bentham, John Stuard Mill)], *Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 45-64. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10403. (in Russ.).

Rawls J. *A Theory of Justice*, Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 536 p. (in Russ.).

Reysner M. *Law. Our Law. Others' Law. Universal Law*, Leningrad, Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1925, 276 p. (in Russ.).

Reysner M. *Petrażycki's Theory, Marxism and Social Ideology*, St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”, 1908, 240 p. (in Russ.).

Shevchenko S.Yu. The Rights of Future Generations and the Regulation of Genomic Research, *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 2020, no. 2, pp. 30-44. DOI 10.17805/ggz.2020.2.2 (in Russ.).

Singer P., Cavalieri P. (eds.) *The Great Ape Project: Equality Beyond Humanity*, London, St. Martin's Publishing Group, 1996, 312 p.

Timberlake C.E. (ed.). *Essays on Russian Liberalism*, Columbia, University of Missouri Press, 1972, 192 p.

Vila M.I. Subsidiarity, Margin of Appreciation and International Adjudication within a Cooperative Conception of Human Rights, *International Journal of Constitutional Law*, 2017, vol. 15, no. 2, pp. 393-413. DOI 10.1093/icon/mox035

Walicki A. *Legal Philosophies of Russian Liberalism*, Moscow, Mysl', 2012, 567 p. (in Russ.).

Yastrebov O.A. The Legal Capacity of Electronic Person: Theoretical and Methodological Approaches, *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN – Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2018, vol.13, no. 2, pp. 36-55. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Владимировна Варламова

кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора прав
человека Института государства и права
Российской академии наук, г. Москва, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0968-3296>;
SPIN-код: 6063-4291;
E-mail: varlam_n@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Varlamova

Candidate of Law Sciences, Associate
Professor, Leading Research Fellow, the
Human Rights Department, Institute of
State and Law, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0968-3296>;
SPIN-код: 6063-4291;
E-mail: varlam_n@list.ru